

2022

Пичуев
Станислав
Владимирович

По дороге на Козельск
(рассказ)

specialviewportal.ru

ИСКУССТВО
НАУКА И СПОРТ

ОСОБЫЙ
ВЗГЛЯД

Специальный портал

**Всероссийский конкурс литературных работ
людей с нарушением зрения,
посвященный Году культурного наследия
народов России**

Номинация «Эпос»

Всероссийский конкурс литературных работ
людей с нарушением зрения,
посвященный Году культурного наследия народов России

Номинация «Эпос»

По дороге на Козельск

рассказ

Автор:
Пичуев
Станислав Владимирович

По дороге на Козельск

Руины города тонули в море огня. Объятые пламенем тела жителей, остатки домов и укреплений навсегда исчезали с лица земли, становясь пеплом, уходящим вместе с чёрными столбами дыма куда-то в грязно-серые облака. Пахло гарью и разложением, конским потом и невымытыми человеческими телами. Скалясь жуткой багровой пастью, завывая разными голосами, сотворённый людьми ад бесстыдно показывал себя небу.

Сидящий на коне хан Батый смотрел на огненное море. На душе было нехорошо, тревожно. Хотелось приказать радостно кричащим воинам замолчать, но хан сдержался, прекрасно понимая, что будет неправ. Победа есть победа, даже если она не самая выдающаяся. Батый слегка дёрнул уголком рта, снова вспомнив о том, сколько дней его войско потратило на этот захолустный городок. Подумать только — целых семь недель! Много. Непозволительно много для сильного, хоть и потрёпанного войска, с которым он пришёл под стены проклятого города. А сколько славных всадников сложили головы за время осады? Захотелось закричать, но хан обуздал этот порыв, внешне ничем не выдав своих чувств и продолжив смотреть на бушевавший огонь.

Городок назывался Козельск. Хорошо укреплен, но далеко не выдающийся даже в сравнении с другими, тоже не выдающимися русскими городами, не говоря уж про крепости Поднебесной или Хорезма. И всё же хан знал, что навсегда запомнит это место. Оно не затеряется в числе прочих, не сотрётся из памяти ни громкими победами, ни смертями врагов. Его не зальёшь ни крепким кумысом, ни кровью, ни огнём. Теперь это злое место будет приходить во снах, будет преследовать до конца жизни, ибо оно — знак, знак того, что ещё не произошло, но обязательно произойдёт.

Батыю показалось, что в клубах дыма проступило лицо старика. Взгляды хана и дымного призрака столкнулись, словно два клинка: один — лёгкий и быстрый, другой — тяжёлый и медленный. Незримая битва продолжалась довольно долго, клинки скрещивались, давили друг на друга, но никто не мог одержать верх. И всё же в какой-то момент призрак отступил, и хан видел теперь просто дым от пожарища, а не образ мрачного старика. Однако легче хану от этого не стало, и на душе по-прежнему было скверно. Нахлынули воспоминания...

Мальчишка рванул из цепочки пленников настолько быстро, что ни один из находившихся рядом воинов не успел среагировать. В его руке сверкнула сталь, кто-то вскрикнул, началась неразбериха, воспользовавшись которой мальчишка сумел очень близко подобраться к хану. Паренёк уже приготовился к решающему прыжку, но налетел на саблю наиболее расторопного из телохранителей и упал в холодную весеннюю грязь.

— Щенок, — равнодушно бросил хан, глядя, как несостоявшийся убийца пытается зажать страшную рану на животе.

Батый почувствовал, как напряглись находившиеся рядом воины. Он ещё поговорит с ними и спросит, откуда в руке мелкого гадёныша взялся кинжал и как получилось, что мелкий гадёныш сумел подобраться настолько близко. Но это потом, когда наступит более подходящий момент, когда всё будет обдуманно и взвешенно. А сейчас не стоит терять лицо ни перед своими, ни перед чужими.

Светловолосый зверёныш, которого едва можно было назвать подростком, умирал, однако голубые глаза горели такой ненавистью, что Батый на краткий миг проникся уважением к сыну этой суровой земли. Да и как не проникнуться уважением к храбрости, даже если это храбрость врага? Попадались, конечно, и среди русских трусы и предатели, только было их слишком мало, чтобы всерьёз рассчитывать на распахнутые ворота городов.

Каждый раз Батый отмечал, что, несмотря на разобщённость княжеств и неумение правильно воевать, русские за свои деревянные крепости бились храбро, до последней капли крови. Потому и пленных было мало, а к концу похода наверняка станет ещё меньше. Кто-то из них не выдержит тягот пути — умрёт от болезней или голода, кого-то убьют, предварительно помучив, найдутся и те, кто покончит с собой, — это раздражало Батыя, но ничего с этим поделать он не мог.

Со стороны застывших на дороге пленников послышались крики. Батый посмотрел туда и увидел, что какой-то старик размахивает руками и указывает на умирающего мальчика.

— Пропустите его! — приказал Батый, и воины расступились.

Старик, одетый в грязные лохмотья, опустился на колени рядом с умирающим мальчонкой.

— Эх, Ваньша, Ваньша, — покачал головой дед. — Ну, зачем ты...

— О чём скулит этот старый пёс? — раздражённо бросил Батый, не понявший ни слова.

— Владыка, — заговорил один из воинов, — он жалеет мальчика и считает его поступок глупым.

— Волк не нуждается в жалости овцы, — презрительно скривился Батый, — юный храбрец вместо скотской жизни выбрал смерть с оружием в руках, и я не в праве осуждать его. Пусть этот трусливый пёс назовёт себя и объяснит, почему он считает поступок мальчика глупым.

— Сергей меня звать, — бледно-голубые водянистые глаза метнули молнии гнева, но старик быстро опомнился и потупил взор.

— Отвечай! — в нетерпении рявкнул хан.

— Ваньша... Подрасти ему надо было, не стоило сейчас, стоило подождать, смириться.

— Ты блеешь, как служитель распятого бога, — усмехнулся хан, — есть возможность — бей, так мы учим наших детей, так меня учил мой

отец, а его — мой дед. Именно поэтому ты сейчас стоишь передо мной на коленях в грязи, а я безнаказанно разоряю твою землю.

Сергий нахмурил густые белые брови, его тёмное лицо окаменело. Глаза опять заметали молнии. Возможно, ещё чуть-чуть и он бросился бы на хана, но воин, переведивший слова старика, подошёл к нему, схватил за длинные седые волосы и приставил кинжал к дряблой шее.

— Не торопись, — сказал воину Батый, — пусть этот пёс ответит.

Сергий с вызовом посмотрел в глаза хану, а затем заговорил, нисколько не смущаясь полоски стали, приставленной к горлу.

— Ты прав, великий царь, силён твой народ. Только не будет он таким всегда. Как зеленеют листья на деревьях весной и опадают осенью, как восходит и садится солнце, как год за годом человек проходит путь от младенца до дряхлого старца, так и народы, мир населяющие, рождаются и умирают. Придёт черёд твоего народа, твоей страны. Не сегодня, не завтра, но обязательно придёт.

— В таком случае смерть твоего народа уже наступила, — рассмеялся Батый.

— Не смерть, а рождение, — выдохнул старик, которому приходилось говорить с запрокинутой головой, — до нашей смерти ещё далеко. Силой оружия нас не взять, нужно нечто большее, чего у вас нет. Вы способны нас завоевать, но не покорить или уничтожить. Настанет день, и мой народ будет един. А то, что вы делаете сейчас, только придаёт нам сил.

Так говорил старик, и от его слов Батыю становилось не по себе. Сражения, горящие города, истерзанные тела — всё это проносилось перед глазами за мгновения, всё заставляло по-иному взглянуть на прошлое и будущее. А что до настоящего, то с каждым новым днём Батый понимал — сопротивление русских не ослабевает. Сколько бы он ни разорял их поселения, сколько бы ни громил в чистом поле, они снова и снова бросались в бой. Нет, нельзя дать им объединиться...

— А знаешь, старик, я не трону тебя, — задумчиво произнёс Батый, — ибо ты должен увидеть падение своего разрозненного народа. На твоих глазах будут умирать женщины и дети, зрелые мужи и старики. Ты будешь видеть пепелища ваших городов, ты будешь слышать песни воронья над вашими погибшими, ты будешь дышать смрадом непогребённых тел. Ты пройдёшь через всё это и в конце своей никчёмной жизни поймёшь, что не бывать твоему народу единым, что вечно вы будете нашими рабами.

— Нет ничего вечного на земле, — покачал головой старик и резко дёрнул шеей, перерезая себе горло...

А потом был Козельск. Здесь Батый и его непобедимое войско застряли на семь недель. Здесь кровь лилась рекой, и стены казались несокрушимыми. Здесь русские стояли, словно каменные глыбы. Здесь впервые Батый усомнился в том, что сможет одержать победу. Здесь старик с перерезанным горлом начал являться к Батыю во снах.

И здесь всё чаще хан думал о грядущем. Неужели их державе суждено погибнуть? Неужели покорённые народы скинут ярмо? Неужели проклятый старик прав?

Батый в ярости сжал кулаки, в последний раз взглянул на горящие руины и мысленно поклялся, что сделает всё от него зависящее, чтобы тот разговор так и остался разговором, а не обернулся пророчеством.

Казанский хан Ядыгар-Мухаммед стоял на крепостной стене и смотрел на огни лагеря русских. В темноте многочисленные костры были словно горящие глаза демонов преисподней. Они пожирали хана, вселяя в душу безысходность и страх, заставляя путаться мысли, злиться.

— Собаки, жалкие собаки. Мы ещё посмотрим, кто кого, — шептали губы хана.

Слова. Всего лишь слова успокоения, самообман, призванный хоть немного отдалить бездну отчаяния, готовую вот-вот пожрать его душу. Исход был предрешён — Ядыгар понимал это, но продолжал надеяться на чудо. В конце концов, в жизни случается всякое. Вот и русское войско может постигнуть неудача. Два раза Казань удалось отстоять, почему бы не отстоять её в третий?

Хан — потомок рода Чингизидов негромко рассмеялся, представив, как кто-нибудь из его великих предков, живущих лет двести назад, мечтает о чуде в сражении против русских. Немыслимо. А теперь что? Теперь могущественная держава, некогда раскинувшаяся с востока на запад, разбилась на мелкие осколки. Правители осколков погрязли в междоусобных войнах, думая лишь о сиюминутной наживе и укреплении личной власти. Они забыли об истинной славе рода Чингизидов, предались низменным страстям, перестали видеть дальше своего носа.

А тем временем совсем рядом появилась новая сила. Эту силу завещал держать в узде сам великий Бату. Уже тогда он видел, чем всё закончится, если дать рабам подняться с колен. Не доглядели. Упустили. И вот результат — вчерашние данники, эти русские князья, жалкие псы, что питались объедками со стола ханов, теперь сами диктуют Чингизидам свою волю, то не платя дани, то меняя правителей в осколках Золотой Орды, а то, как сейчас, попросту приходя с войском под стены приглянувшихся им городов. Неслыханная наглость! И в ней особенно преуспели московские князья.

— Царь, — выплюнул короткое слово Ядыгар, вложив в него всё презрение и ненависть, на которые был способен.

Кто бы мог предположить, что настанет день, когда одна из этих московских собак назовёт себя царём и поимеет наглость

укусить хозяина. Более того, всё указывало на то, что вскоре хозяин и собака поменяются местами. К тому же Ядыгар не сомневался, что на Казанском ханстве Иван не остановится и пойдёт дальше, много дальше, присоединяя к Москве один осколок Орды за другим.

Под стенами раскинулось огненное море. Пока оно было спокойным, но скоро должна была разразиться буря. Ядыгар чувствовал её приближение, как чувствовал и то, что в буре погибнет старое и родится новое. Он отвернулся от огненного моря, не в силах на него смотреть. Неумолим бег времени, с первыми лучами солнца всё изменится раз и навсегда. С первыми лучами солнца придёт другая эпоха...